

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА:

ПРАВДА

И

ВЫМЫСЕЛ

Выпуск 10

Коллектив авторов

**Великая Отечественная война:
правда и вымысел. Выпуск 10**

«Санкт-Петербургский государственный университет»

2017

ББК 63.3(2)622

Коллектив авторов

Великая Отечественная война: правда и вымысел. Выпуск 10 /
Коллектив авторов — «Санкт-Петербургский государственный
университет», 2017

ISBN 978-5-288-05726-7

В очередной, десятый выпуск сборника вошли материалы Межрегиональной конференции «Дни истории в СПбГУ», которая состоялась 13–22 октября 2016 года в Санкт-Петербургском университете. В отличие от предыдущих, нынешний выпуск включает три части: научные статьи, воспоминания и студенческие работы, освещающие отдельные сюжеты Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. Авторы статей – это преподаватели и студенты СПбГУ. Предназначен научным сотрудникам, преподавателям и студентам.

ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-288-05726-7

© Коллектив авторов, 2017
© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2017

Содержание

Предисловие	6
Часть I	7
Е. В. Ильин	7
В. Л. Пянкевич	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Великая Отечественная война: правда и вымысел

© Е.В.Ильин, сост., 2017

© С.-Петербургский государственный университет, 2017

* * *

Предисловие

Издание очередного, десятого, выпуска сборника планировалось значительно раньше, но болезнь и последующая кончина 16 марта 2016 года многолетнего автора-составителя и одного из редакторов сборника, профессора кафедры новейшей истории России Института истории Владислава Александровича Кутузова внесли коррективы в эти планы.

Две тысячи шестнадцатый – год 75-летия начала Великой Отечественной войны и Ленинградской блокады. Эти две скорбные даты нашли отражение в исследованиях, представленных в настоящем сборнике. Основу предлагаемого вниманию читателей выпуска составили материалы Межрегиональной конференции «Дни истории в СПбГУ», состоявшейся 13–22 октября 2016 года в Институте истории.

В отличие от предыдущих выпусков, десятый сборник состоит из трех частей: научные статьи, воспоминания, а также студенческие работы.

Авторами научных статей являются в большинстве своем преподаватели Института истории. В предлагаемом сборнике представлены статьи коллег, регулярно участвующих в этом проекте, а также молодых преподавателей; в частности, это исследование «Руководители Ленинграда "второго эшелона власти": аспекты государственной и партийной биографии Н.В. Соловьева (1941–1945)» доцента Алисы Александровны Амосовой и работа «Православное духовенство северо-запада России в завершающий период Великой Отечественной войны: воссоединение и новые проблемы» ассистента Ивана Васильевича Петрова.

В последние годы серьезное внимание в науке уделяется вопросам изучения истории Великой Отечественной войны в вузе в свете задач российского образования, что также нашло отражение в темах докладов и исследований.

Уверены, что большой интерес у читателей вызовут воспоминания участников обороны Ленинграда. Казалось бы, наши знания о подвигах и повседневной жизни ленинградцев в 1941–1944 годах мало что могут прибавить к уже известному, однако, читая воспоминания универсантов, понимаешь, что каждый из них пережил «свою» блокаду. Елизавета Артуровна Реферовская, филолог по образованию, отмечает чрезвычайную востребованность переводчиков в годы войны: «Требовалось не предъявление диплома, а знание языка, умение читать и говорить на нем, понимать, когда говорят». Людмила Александровна Ивашко, вспоминая свое отрочество, выпавшее на годы войны, описала будни блокады в ее первый год. Янина Леоновна Левкович оставила воспоминания о студенте исторического факультета, талантливом поэте-романтике Рэме Марконе, погибшем под Сталинградом.

Надо признаться, мы колебались, следует ли включать студенческие выступления в настоящий сборник. Из более чем тридцати работ редколлегия отобрала восемь, авторами которых являются студенты, обучающиеся по направлениям социология, востоковедение, химия, СПбГУ Эти статьи опубликованы в третьей части сборника – в рубрике «Дебюты».

Искренне надеемся, что предлагаемый сборник окажется полезным и займет свое место в правдивом освещении событий военных лет.

Часть I Научные публикации

Е. В. Ильин

Сороковые, роковые... О некоторых причинах поражения красной армии в начальный период войны

Аннотация: В статье освещены вопросы состояния боевой готовности Вооруженных Сил СССР кануна Великой Отечественной войны, меры по повышению боевой подготовки Красной Армии, ошибки Народного комиссариата обороны, Генерального штаба в планировании и развертывании армии в случае начала войны, фактора внезапности.

Ключевые слова: Красная Армия, уроки войны с Финляндией, Генеральный штаб, укрепленные районы, Г. К. Жуков, фактор внезапности, начало войны.

Evgenij V. Ilyin. Forties, rock... Some of the reasons of defeats of Red Army in the initial period of war

Abstract: In article the condition of combat readiness of the Armed Forces of the USSR before the Great Patriotic War, measures to increase the combat training of the Red Army, the errors of the people's Commissariat of Defense, the General Staff in the planning and deployment of the army in case of war, the element of surprise.

Keywords: Red Army, the lessons of the war with Finland, the General Staff, fortified areas, Zhukov, the element of surprise, the beginning of the war.

©Е.В.Ильин, 2017

Огромное количество вопросов, даже спустя десятилетия после завершения войны, продолжают оставаться дискуссионными. Среди них, пожалуй, самым злободневным остается вопрос начального периода войны: в результате чего страна оказалась на грани катастрофы?

В первое десятилетие послевоенных лет этот вопрос объяснялся внезапным нападением гитлеровской Германии на нашу страну. Решения XX съезда КПСС дали возможность поставить и этот вопрос; тезис «внезапности нападения» был дополнен культом личности И. Сталина.

В 1965 году Институт всеобщей истории АН СССР издал книгу Александра Моисеевича Некрича «1941. 22 июня» [8]. Весь пятидесятитысячный тираж сразу же был раскуплен. В январе 1966 года журнал «Новый мир» опубликовал статью Г. Федорова «Мера ответственности» [11], в которой на основе документальных материалов была дана взвешенная и объективная оценка событий, описанных в книге. В феврале того же года книга обсуждалась на заседании отдела истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и получила почти единодушную положительную оценку. На этом заседании присутствовало несколько сот человек, и никто из них не возражал против главного тезиса книги – виновности тогдашнего руководства страны в трагедии 1941–1942 годов, приведшей к захвату врагом огромной территории СССР.

В сентябре 1967 года в журнале «Вопросы истории КПСС» вышла статья Г.А. Деборина и Б.С. Тельпуховского [2], в которой А.М. Некрич был обвинен в том, что показал события до 22 июня в искаженном свете, тем самым способствуя фальсификаторам истории. Серьезной аргументации авторы статьи не привели, да и не могли из-за отсутствия таковой. В конечном итоге все вылилось в обвинения А.М. Некрича в некомпетентности в вопросах дипломатии, в военном деле, экономике...

Что же «возмутительного» и «неприемлемого», «ошибочного» содержится в этой небольшой, карманного формата книге объемом в 171 страницу? Отметим, ничего. Это утверждение основано не на позиции сегодняшнего дня, когда знания об этом драматическом периоде значительно расширились, а на тех фактах, которые были известны историкам уже тогда. Используя доступные источники информации, А.М. Некрич попытался разобраться в этой проблеме.

В итоге ученый за отказ признать свои «ошибки» был исключен из партии. Его книга была изъята из библиотек, частично уничтожена, частично передана в отделы специального хранения. Сам автор в 1976 году вынужден был эмигрировать из СССР. Впоследствии работал в Гарвардском, Кембриджском центрах по изучению России. Скончался в 1993 году.

Так были обозначены рамки разрешенного исследования одного из самых драматических периодов Великой Отечественной войны.

Сегодняшний исследователь находится в лучших условиях, нежели его предшественники в 1960-е годы. Связано это прежде всего с расширением и доступностью источников. В этой связи следует обратить внимание на многотомную публикацию документов «Русский архив: Великая Отечественная», вышедшую под редакцией Института истории Министерства обороны Российской Федерации в 1990-х – начале 2000-х годов. Для нас исключительное значение имеют материалы совещания, состоявшегося в декабре 1940 года [1]. Самые серьезные выводы высшее военно-политическое руководство страны сделало из скоротечной войны с Финляндией. По «горячим следам» в марте 1940 года состоялся Пленум ЦК ВКП(б), в апреле – расширенное заседание Главного военного совета РККА, на которых были подведены итоги войны и рассмотрены вопросы перевооружения, организации, обучения и воспитания войск [3]. Важным шагом в деле перестройки вооруженных сил страны стало снятие 7 мая 1940 года с поста Народного комиссара обороны К. Е. Ворошилова, преемником которого стал С.К. Тимошенко [5, с.33]. Крупные изменения произошли в Генеральном штабе Красной Армии, руководстве военных округов страны. Обучение войск по-новому было изложено в Приказе Наркома обороны С.К. Тимошенко № 120 от 7 мая 1940 года. Смысл его сводился к одному: «Учить тому, что нужно на войне».

Итоги радикальной перестройки армии были подведены на совещании высшего руководящего состава Красной Армии 23–31 декабря 1940 года. В докладе начальника Генерального штаба генерала К.А. Мерецкова внимание слушателей акцентировалось на тех недостатках, которые имели «решающее значение» в повышении боеспособности армии. Эта критическая составная была детализирована и дополнена конкретными примерами участниками совещания [1, с. 12–28].

На совещании с докладом «Характер современной наступательной операции» выступил командующий Киевским Особым военным округом генерал Г.К. Жуков. Оратор кратко рассмотрел причины сокрушительных поражений Польши и Франции, других государств, опыт наступательных операций Красной Армии на реке Халхин-Гол и войне с Финляндией. В докладе отмечалось, что развитие вооруженных сил идет по линии создания наступательных средств войны как в количественном, так и качественном отношениях. Авиация, бронетанковые и механизированные войска, моторизация армии, артиллерия позволяют, благодаря их внезапному применению, добиваться самых решительных целей. Составные элементы успеха такой операции: внезапность как главнейший элемент победы, завоевание господства в воздухе, массирование ударных сил (танков, артиллерии), маневр силами и средствами для нанесения главных ударов во фланг и тыл противника [1, с. 129–152]. Слабым местом этого доклада явилось то, что такая операция рассматривалась безотносительно периода войны. На это обратил внимание начальник штаба Прибалтийского Особого военного округа генерал П. С. Кленов, которого интересовал вопрос влияния противника на то, чтобы не дать провести планомерное развертывание войск в начальный период войны [1, с. 152]. К сожалению, этот вопрос не обсуждался и остался без ответа.

По вопросам оборонительной операции выступил командующий Московским военным округом генерал И.В. Тюленев, который отметил, что «мы не имеем современной обоснованной теории обороны, которую могли бы противопоставить современной теории и практике глубокой армейской наступательной операции» [1, с. 209]. Таким образом, вопросы оборонительной операции накануне войны не были решены ни в оперативном, ни в стратегическом отношениях.

В этой связи закономерен вопрос, как виделась война высшему командному составу Красной Армии в ее начальном периоде? Начальник Генерального штаба генерал Г.К. Жуков писал: «При переработке оперативных планов весной 1941 года <...> не были полностью учтены новые способы ведения войны в начальном периоде. Наркомат обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз, может начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений» [4, с. 224]. Начало грядущей войны виделось военному руководству страны по схеме Первой мировой: начинается малыми силами на границе, что позволяет провести мобилизацию и развертывание войск, после этого боевые действия переносятся на территорию врага, где достигается «малой кровью» победа. Таким образом, командование Красной Армии совершило одну из тех ошибок, которая самым роковым образом сказалась в начале войны.

Для прикрытия государственной границы и последующего развертывания главных сил было начато масштабное оборонное строительство, развернувшееся в приграничных районах. Укрепленные районы, вытянутые в линию вдоль государственной границы, не стали, да и не могли стать, теми бастионами, где должен был быть остановлен враг. Незначительная глубина обороны укрепленных районов, значительные промежутки между ними, не заполненные живой силой, близость расположения к границе, делали их крайне уязвимыми для артиллерии врага.

Генеральный штаб считал, что в случае начала войны немецкие войска могут нанести главный удар либо к северу, либо к югу от Бреста. Окончательно решить эту задачу должен был И. В. Сталин, который выбрал южное направление. Заметим, эту точку зрения разделяли и Народный комиссар обороны маршал Советского Союза С.К. Тимошенко, и Начальник Генерального штаба генерал армии Г.К. Жуков. Таким образом, высшее военное руководство страны не сумело правильно определить место нанесения врагом главного удара.

Означало ли это, что Красная Армия изначально была обречена на тяжелейшие поражения в 1941–1942 годах, которые поставили страну на грань катастрофы? Силы и средства для отпора агрессору имелись, требовалось грамотно распорядиться ими. Иначе говоря, речь идет о способности командного состава Красной Армии в полной мере использовать силы и возможности войск, то есть об овладении командным составом разного уровня военным искусством. Огромную негативную роль в этом отношении сыграли репрессии в Красной Армии – как в моральном плане, так и в овладении военным делом. На совещаниях самого высокого уровня неоднократно отмечалось, что командный состав армии мало читает специальной военной литературы, не изучает иностранные языки... Всем этим пришлось овладевать в ходе войны и платить большой кровью.

Восемнадцатого декабря 1940 года А. Гитлер подписал Директиву № 21, более известную как план «Барбаросса» – план нападения на СССР. Этот документ разрабатывался около одиннадцати месяцев, для него характерны необычайная тщательность в проработке всех этапов операции, от внезапности нападения до полного разгрома Красной Армии. При этом решающее значение отводилось первому удару. Признавая превосходство Красной Армии в количестве танков, артиллерии, агрессор строил свои расчеты и на том, что в своем подавляющем большинстве эта техника была старой, а выучка командного состава на всех уровнях низкой.

План «Барбаросса» не стал «быстро» достоянием советской разведки, о чем пишут некоторые авторы [6, с. 32]. Об этом плане мы узнали в полном объеме лишь на Нюрнбергском судебном процессе, который начал работу 20 ноября 1945 года. Разведка не сумела своевременно узнать дату начала нападения германских войск на СССР, хотя при этом некоторые сроки и были названы, они не соответствовали действительности. Не удалось установить численность вражеских войск, сосредоточенных на западной границе, а также направление главного удара.

Скрыть развертывание армии вторжения на территорию нашей страны было невозможно. В Генеральный штаб пошли сообщения о сосредоточении на западных границах СССР крупных воинских контингентов, резко активизировалась разведывательная деятельность германских разведслужб [9, с. 2–21]. По мере приближения дня начала войны сообщения становились все более тревожными.

Было бы ошибочно утверждать, что командующие западными военными округами бездействовали. В войсках шла напряженная учеба, командующие округами оперативно докладывали Народному комиссару обороны С. К. Тимошенко и начальнику Генерального штаба Г. К. Жукову о тревожном положении дел на границе. Москва либо молчала, либо советовала «не поддаваться на провокации». В целом в столице крайне болезненно реагировали на инициативы командующих округами, предпринимаемые последними без консультаций с высшим руководством.

Анализируя ситуацию последних предвоенных месяцев, крайне затруднительно однозначно определить позицию политического руководства страны в этот решающий период времени. Мы полагаем, что она была нацелена на всяческое оттягивание начала войны: «не допустить провокаций», могущих перерасти в войну, – так определялась главная задача войск приграничных округов.

В ночь на 22 июня 1941 года в Кремле собралось высшее политическое и военное руководство страны. Факты говорили о том, что война может начаться в ближайшие часы. И. В. Сталин полагал, что со стороны Германии возможна провокация, поэтому приведение войск приграничных округов в боевую готовность даст повод Германии для нападения на СССР. В директиве, направленной в округа в половине первого ночи, говорилось о возможности провокаций и приказывалось рассредоточить войска, авиацию, скрытно занять на границе укрепленные районы. Другие мероприятия без особых распоряжений проводить не разрешалось.

Эта директива поступила в западные военные округа в разное время. В Прибалтийском округе приказ о приведении войск в боевую готовность был отдан 22 июня в 2 часа 15 минут, Белорусском – 22 июня в 3 часа 30 минут, в Киевском директиву расшифровали только в 12 часов 35 минут 22 июня, когда на территории округа уже несколько часов бушевала война [10, с. 314]. Двойственность указаний, вытекающих из директивы Народного комиссара обороны о приведении войск в полную боевую готовность и задачах войск, привела к тому, что для большинства командиров она оказалась внезапной.

Противнику в полной мере удалось использовать фактор внезапности. Ударные группировки, используя разрывы в обороне советских войск, уже в первый день войны сумели прорвать линию укрепленных районов, вытянувшихся вдоль границы. Ожесточенное сопротивление отдельных соединений, частей, гарнизонов, бойцов оборонительных сооружений изменить общей ситуации не могли, немецкие войска вырвались на оперативный простор.

Каковы причины исключительно неудачного для Красной Армии начала войны? Достаточно емкий ответ дал маршал Г.К. Жуков: «Надо ясно сказать, что немецкая армия к началу войны была лучше нашей армии, лучше подготовлена, выучена, вооружена, психологически более готова к войне, втянута в нее. Она имела опыт войны, и притом войны победоносной. Это играет огромную роль. Надо также признать, что немецкий генеральный штаб и вообще немецкие штабы тогда лучше работали, чем наш Генеральный штаб и вообще наши штабы,

немецкие командующие в тот период лучше и глубже думали, чем наши командующие. Мы учились в ходе войны, и выучились, и стали бить немцев, но это был длительный процесс. И начался этот процесс с того, что на стороне немцев было преимущество во всех отношениях» [7, с. 131]. К этому следует добавить и просчеты высшего военного руководства страны, о чем мы уже говорили.

Литература и источники

1. Русский архив: великая отечественная. т. 12(1): материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. / ин-т воен. истории м-ва обороны РФ; под общ. ред. ген. – майора в. а. Золотарева. м.: Терра, 1993. 408 с. URL: <http://soldat.ru/fles/4/6/15/111> (дата обращения: 01.11.2016).
2. Деборин Г. А., Тельпуховский Б. С. в идейном плену фальсификаторов истории // вопросы истории КПСС. 1967. № 9. С. 127–140.
3. «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель – май 1940 г.): материалы комиссии главного военного совета красной армии по обобщению опыта финской кампании. м.: летний сад, 2004. 558 с.
4. Жуков Г. К. воспоминания и размышления. м.: изд-во агентства печати «новости», 1969. 751 с.
5. Ильин Е. В. Перечитывая заново (к политическому портрету К. Е. Ворошилова) // ильин е. в. Reversio: записки историка: сб. статей. СПб.: Библиополис, 2015. С. 20–36.
6. История России XX век. в 2 т. / под ред. А. Б. Зубова. М.: АСТ, 2009. т. II: 1939–2007. 848 с.
7. Карпов В. В. генералиссимус: историко-документальное исследование. в 2 кн. Калининград: янтарная сказка, 2002. кн. 1.
8. Некрич А. М. 1941. 22 июня. м.: наука, 1965. 171 с.
9. Органы государственной безопасности СССР в великой отечественной вой не: сб. документов / сост. в. П. Ямпольский и др. т. 1: накануне. кн. 2. м.: книга и бизнес, 1995. 397 с.
10. Рунов В. А. 1941. Первая кровь. м.: Эксмо Яуза, 2009. 509 с.
11. Федоров Г. мера ответственности (а. м. некрич. 1941. 22 июня) // новый мир. 1966. № 1. С. 260–267.

В. Л. Пянкевич

Предблокадный Ленинград в восприятии горожан

Аннотация: Статья посвящена анализу восприятия Ленинграда его жителями в период между началом Великой Отечественной войны и началом блокады. Адекватное постижение перцептивного образа ленинградской блокады перспективно для решения академических, музейно-экспозиционных, педагогических задач, сферы искусства. Статья базируется на опубликованных и неопубликованных официальных документах и источниках личного происхождения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, городское пространство, восприятие, историческая память.

Vladimir L. Piankevich. Leningrad in the perception of citizens on the eve of the blockade

Abstract: The article is devoted to the analysis of the perception of Leningrad by its inhabitants during the period between the beginning of the Great Patriotic War and the beginning of the blockade. Adequate comprehension of the perceptual image of the siege of Leningrad is perspective for solutions of academic, museum exposition, teaching tasks, application in the field of art. The article is based on published and unpublished official documents and sources of personal origin.

Keywords: The Great Patriotic War, the siege of Leningrad, urban space, perception, historical memory.

©В.Л.Пянкевич, 2017

Двадцать второе июня 1941 года врезалось в сознание и память многих ленинградцев. Было солнечное, жаркое и ветреное воскресенье. В привычно начавшемся для большинства горожан выходном дне все изменилось после знаменитого полуденного радиовыступления В. М. Молотова. Вернувшаяся из Петергофа группа студентов, по свидетельству А. И. Певцовой, была потрясена видом города: «За несколько часов он изменился так, что нам стало жутковато. На улицах народу мало, из репродукторов раздаются марши, марши, боевые марши. Ленинград стал суровым, угрюмым» [9, с. 13].

Роковое известие поначалу изменило поведение ленинградцев: многие выглядели подавленными, серьезными и настороженными; другие, напротив, решительными, уверенными в скорой победе. Различия в восприятии трагического известия определялись полом, возрастом, этнической принадлежностью, социальным статусом, политическими взглядами, происхождением, жизненным опытом, моральными качествами и т. д.

Огорчились несостоявшимся воскресными гуляниями и развлечениями девочки, были в восторге от предстоящих зрелищ войны и грядущих побед мальчишки.

Серьезны были женщины, беспечны – девушки. «Женщины плакали, – вспоминает М. Макарова, – а мы были настолько молоды, что и не восприняли это сообщение по радио и не поняли, что же это такое» [12, с. 7]. Тревога за своих близких, и прежде всего за детей, заставляла женщин не только переживать, но и действовать. Именно женщины в своем большинстве стояли в мгновенно образовавшихся очередях. По свидетельству вернувшейся в Ленинград 22 июня М.Г. Петровой, «это был уже другой город. Стояли очереди в магазины и сберкассы» [7, с. 30].

Город готовился к бомбардировкам. Пытаясь сберечь окна, ленинградцы заклеивали их бумагой, марлей, целлофаном. Это должно было помочь стеклам сдерживать натиск взрывной волны, не позволить им разбиться вдребезги. «В несколько дней город разукрасился белыми решеточками на окнах и стал от этого наряднее», – вспоминал Д.Н. Лазарев [5, с. 194]. Искусствовед Н.Н. Лунин записал в дневнике 28 августа: «Заклеенные бумажными полосками, боль-

шею частью крест-накрест, стекла; дома стали легче от этих заклеек, декоративнее, как будто весь город застроился трельяжами» [11, с. 345].

Хорошо освещенный вечером и ночью большой город, теперь, с началом войны, особенно когда кончилась пора белых ночей, должен был погрузиться во тьму, стать невидимым немецким летчиком. Исчезло уличное освещение, свет городского транспорта и автомобилей также не должен был нарушать спасительного затемнения. Не должно было быть света и в окнах ленинградских домов. «Над подъездами домов и входами в бомбоубежища тускло горели синие лампочки, – вспоминает ботаник Т. К. Горышина. – Этот замогильный свет так и остался у меня в памяти как одно из "цветовых пятен" первых месяцев войны» [1, с. 71].

Не только для светомаскировки, но и чтобы сохранить стекла витрин, большие окна магазинов на первых этажах стали оберегать, укрепляя досками и мешками с песком.

В городе стремились спасти от разрушения и повреждений памятники. Как отмечалось в отчете государственной инспекции по охране памятников, в первую очередь были укрыты «наиболее ценные монументы»: памятники Ленину, Кирову на Кировской площади, Петру I, Николаю I, Крузенштерну, Крылову. Были зарыты в землю все скульптуры в Летнем саду, а также в парках пригородных дворцов, в Музее городской скульптуры и т. д. [6, с.523, 524]. Об укрытии Медного всадника скульптор И.В. Крестовский вспоминал: «Любопытное зрелище представлял собой памятник, когда гранитная скала еще до обшивки скульптуры деревянной опалубкой была засыпана песком. Фигура будто выросла и стала еще более монументальной. Казалось, бронзовый гигант мчится по земле среди нас» [10, с. 289].

На крышах появились маскировочные сети, стены больших зданий разрисовывали пятнистыми желто-зелеными разводами, фантастически были раскрашены набережные. Сверкавший позолотой купол Исаакиевского собора выкрасили в серый цвет. Специальными чехлами из парусины и мешковины были замаскированы шпили Петропавловского собора, Адмиралтейства, Инженерного замка, церквей и соборов. Красота готовившегося к бомбежкам города меркла. Возвращавшиеся накануне блокады в Ленинград жители не узнавали своего города – он стал серым, суровым, настороженным.

Ощущение угрозы создавали аэростаты воздушного заграждения, которые белыми ночами парили в безоблачном небе над городом. В городских садах и парках, около церквей, на Марсовом поле появились окопы, расположились зенитные батареи. Здесь же спали на садовых скамейках, стирали, играли на балалайках красноармейцы.

Когда стремительно продвигавшийся враг стал угрожать Ленинграду, город стал готовиться к обороне. Окна и двери угловых домов заделывали кладкой, оставляя бойницы, устанавливали пулеметы. Редкий дом не был превращен в долговременную огневую точку, став в переносном и буквальном смысле крепостью. Железобетонные доты и дзоты строились у Дворцового моста, Эрмитажа, перед зданиями Академии наук, университета.

В наибольшей мере укреплялись южные районы города. Многие улицы здесь перегородили баррикады. В случае уличных боев реки и каналы также должны были стать рубежами обороны.

В городе спешно создавались укрытия для людей. Взрослые и подростки рыли щели-окопы, призванные спасать от осколков бомб и снарядов людей, оказавшихся поблизости.

Чаще обычного на улицах города встречались люди с чемоданами и узлами – это направлялись к вокзалам эвакуирующиеся. Женщины и подростки шли на военно-оборонительные работы на подступах к городу. В июле Ленинград захлестнула волна беженцев из Прибалтики, Новгорода, Пскова, Ленинградской области. Оборванные, грязные, изможденные, с мешками за плечами, с детскими колясками, некоторые с велосипедами, тележками. Длинные вереницы изнуренных стариков, женщин, детей шли, с трудом неся свои вещи, некоторые тянули на веревках истощенных коров.

Если многие женщины, прежде всего домохозяйки, с первого дня войны были погружены в привычные, но очень важные заботы о насущном, то мужчины направились в военкоматы, на свои предприятия, в учреждения и организации. Днем и ночью по улицам проходили колонны мобилизованных и добровольцев. «По мостовой быстро шли нестройные колонны мобилизованных; своих мужей, братьев и отцов провожали плачущие женщины, – вспоминает А.М. Соколовский. – Нам, молодым, воспитанным ура-бодряческой советской прессой, этот плач казался неуместным» [3, с. 18].

Ленинградцы уходили на фронт, эвакуировались, город постепенно пустел, менялась его цветовая и звуковая палитра. «После пышной зелени парков, голубизны залива, каналов и прудов он поразил меня своей однокрасочностью, – свидетельствует И. Т. Балашова. – Это был цвет городской летней жары и войны. Все было окрашено в охристые тона: форма военных и множество песка на улицах, которым заполняли ящики, закрывающие витрины магазинов» [2, с.49].

Между тем напряжение, возникшее в первый день войны, вскоре несколько спало. Сохранялась инерция мирной жизни, горожане как будто «привыкли» к войне. Казалось, в жизни большого города ничего не менялось: ходили трамваи, работали кафе, рестораны, были открыты магазины, и люди, как обычно, спешили на работу, играли дети, выстраивались очереди к кассам кинотеатров. «Летний период, когда я теперь его вспоминаю, кажется мне какой-то безобидной, шуточной пародией, сантиментально идилической инсценировкой быта в готовящемся к блокаде городе, – отмечала в блокадном дневнике педагог О. В. Синакевич [8].

Удивляло сочетание наглухо закрытых серыми мешками с песком и деревянными щитами магазинных витрин и витрин торговли цветами, которые ленинградцы раскупали как всегда. На Невском, Литейном, других проспектах и улицах прямо на тротуарах раскинулись широкие столы с только что изданными книгами, в том числе красочными изданиями для детей. «Вечером на набережной много гуляющих. <.. > Просто не верится, что у нас война: все спокойны, хотя бы внешне. Около сфинксов – целое гулянье взрослых и малых. Тут же, несмотря на вечер, мальчишки купаются», – записал в дневнике 27 июля Г. А. Князев [4, с. 95].

Безмятежным настроениям многих горожан соответствовало и состояние природы. После холодной весны в городе царил жаркое лето: цвела сирень, акация, благоухал жасмин. Особенно яркой казалась зелень. У киосков с водами и лотков с мороженым, у пивных ларьков выстраивались очереди. На редкость теплым оказалось и начало сентября. Природа словно хотела согреть ленинградцев впрок накануне страшных испытаний, одним из которых станет смертельный холод.

Солнечным августом и в самом начале сентября город был необычайно красив. В прозрачные холодные августовские ночи одним горожанам бросалось в глаза великолепие города, другие в тревоге перед будущим не замечали красоты Ленинграда и природы. Из громкоговорителей на пустующих, идеально чистых улицах звучала классическая музыка, повсюду летал легкий бумажный пепел – жгли архивы.

В воспоминаниях ленинградского школьника город перед блокадой напоминал театр перед спектаклем. «Люди роют укрытия в парках, окна магазинов прикрывают деревянными щитами. Городские памятники обкладываются мешками с песком. Оконные стекла в домах заклеиваются лентами бумаги или марли, чтобы они не разлетелись при бомбежке города. Все эти необыкновенные перемены в городе вызывают во мне восторженные чувства, как будто вот-вот должен начаться грандиозный спектакль; все готовится к нему, а он так и не начинается» [13, с. 290].

Ленинградцы пока не знали, какое трагическое представление им суждено увидеть, причем они должны были стать не только зрителями, свидетелями, но и участниками действия, в котором будут настоящие потрясения, невысказанные страдания.

Литература и источники

1. *Горьшина Т. К.* воспоминания о блокаде и дороге жизни // история Петербурга. 2007. № 1. С. 71–76.
2. испытание: воспоминания прихожан князь-владимирского собора о великой отечественной войне 1941–1945 годов / отв. ред. проф., прот. в. Сорокин; сост. в. Сеницына, и. Шкваря. СПб.: князь-владимирский собор, 2010. 192 с.
3. книга живых. воспоминания евреев – фронтовиков, узников гетто и нацистских концлагерей, бойцов партизанских отрядов, защитников блокадного Ленинграда. кн. первая. СПб.: акрополь, 1995. 415 с.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.